**Е. Е. Дмитриева** [ab]
*ORCID: 0000-0001-9692-8329*
✉ *katiadmitrieva@mail.ru*
[a] *Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Россия, Москва)*
[b] *Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва)*

# После Вавилона, или Испытание чужим

***Рецензия на***: *Автономова Н. С.* Познание и перевод: Опыты философии языка. — 2-е изд., испр. и доп. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 736 с. — (Humanitas).

***Благодарности***. Данная рецензия подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 17-04-00438-ОГН («Завоевание французского общественного мнения русскими писателями и интеллектуалами (XVIII — начало XX в.)»).

***Для цитирования***: *Дмитриева Е. Е.* После Вавилона, или Испытание чужим. // Шаги / Steps. Т. 5. № 3. 2019. С. 226–236. DOI: 10.22394/2412-9410-2019-5-3-226-236.

*Рецензия поступила в редакцию 25 февраля 2019 г.*
*Принято к печати 6 марта 2019 г.*



**E. E. Dmitrieva** [ab]
*ORCID: 0000-0001-9692-8329*
✉ *katiadmitrieva@mail.ru*
[a] *A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)*
[b] *Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow)*

# After Babel, or The testing by others

***A review of***: Avtonomova, N. S. (2016). *Poznanie i perevod: Opyty filosofii iazyka* [Cognition and translation: Experiments in the philosophy of language]. 2nd ed., rev. and enl. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 736 p. (Humanitas). (In Russian).

***Acknowledgements***. The review was conducted with the support of RFBR, grant no. 17-04-00438-ОГН ("Gaining the French public opinion by the Russian writers and literati, 18th — beginning of the 20th century").

***To cite this article***: Dmitrieva, E. E. (2019). After Babel, or The testing by others. *Shagi / Steps, 5*(3), 226–236. (In Russian). DOI: 10.22394/2412-9410-2019-5-3-226-236.

*Received February 25, 2019*
*Accepted March 6, 2019*

© Е. Е. ДМИТРИЕВА = E. E. DMITRIEVA

Писать рецензию на книгу «Познание и перевод» Н. С. Автономовой дело, по правде говоря, одновременно и простое и очень сложное. Простое — потому, что автор сама предварила ее двуступенчатым введением (а во втором издании добавилось еще и введение ко второму изданию), в котором стройно и четко изложила обстоятельства возникновения книги, задачи, перед собой поставленные, а также ту оптику, в которой предполагается рассмотрение интересующих ее вопросов. А в заключении словно сделала уже предварительно работу за будущего рецензента, отреферировав содержание монографии и представив на суд читателей идейный итог, который, впрочем, как это почти всегда бывает у Н. С. Автономовой, все равно предполагает открытость финала (см.: [Автономова 2009]. Так что если нужно резюме книги или своеобразный hand out — пожалуйста, они уже есть.

Сложность же задачи в том, что перед нами монография, явно выходящая за границы каких бы то ни было жанровых рамок и даже той тематической доминанты, на которую указывает название книги. По сути — это энциклопедия истории философской мысли не только 1960–1990-х годов, но еще и гораздо более обширного периода, который начинается по меньшей мере с Канта, Гегеля, философов-просветителей (впрочем, многочисленные аналитические отсылки к античной мысли также присутствуют в книге). Только от энциклопедии книга Автономовой отличается тем, что разворачивает захватывающий интеллектуальный (философский) детектив, в свою очередь предполагающий виртуозное сложение пазлов. И где протагонистов, имена которых фигурируют в оглавлении (а это Фуко, Деррида, Лакан, Фрейд, Ролан Барт, наконец, структуралисты и те, кого называют «постструктуралистами»), глубинно осмыслить можно лишь через их соотнесение с отдельными интенциями будь то немецкой классической философии, или ноуменализма, или феноменологии, а также с отдельными концепциями экзистенциалистской или персоналистской ориентации. Иными словами, через п е р е в о д, который, казалось бы, и есть основная интрига монографии, но который представлен здесь в первую очередь как проблема философская: перевод как основной двигатель познания. И потому, наверное, разочарован будет тот читатель, который наивно захочет найти в книге пособие по переводу или по истории перевода.

Впрочем, история перевода и размышления о его практике здесь тоже даны. Но это — во втором разделе книги, где речь идет уже непосредственно о переводе с одного языка на другой. Ему же предшествует первая часть, наиболее сложная, где философская система того или иного интересующего Н. С. Автономову мыслителя представлена как внутренний перевод «из одной системы в другую». Так, структуралистский подход к сознанию в этом мыслительном пространстве предстает как вариация на темы романтического позитивизма, вместе с которым в «структурализм входят призраки субъекта, исключенного ради объективности науки, ради ее свободы от метафизики и идеологии» (с. 67). Концепция марбургского неокантианства с его формальной трактовкой символа становится «прямой подготовкой трактовки символа» у Клода Леви-Строса (с. 245). А философ Деррида предстает как тот, кто «доводит до предела феноменологическую традицию», одновременно с этим возрождая какие-то потерянные метафизикой возможности (с. 401).

Именно потому читать книгу сложно, поскольку даже простое чтение требует от читателя уже предварительного знания, которое хоть сколько-нибудь

приближалось бы к авторскому. Впрочем, по всей видимости, эта сложность тоже запрограммирована, ибо говорит же автор неоднократно о т р у д н о с т я х перевода, ссылаясь при этом и на фильм Софии Копполы «Lost in translation» и, что еще более важно, предлагая свою версию его головокружительного названия, подчеркивая тем самым аспект возможной «погибели» «на бранном поле перевода» (название шестой главы монографии Н. С. Автономовой).

Загадка раздела первого «Познание и язык» (казалось бы, а при чем здесь перевод?) тут же и разрешается в первой главе. Ее оптика — «мысль о структуре и проблема “обратного перевода”, автора здесь интересуют различные способы перевода явлений человеческого мира, явлений сознания и бессознательного — в план языка, языковой метафорики и других ипостасей языкового бытия» (с. 39). Н. С. Автономова тут же оговаривает, что в хронологическом смысле это означает возврат фокуса внимания в 1960-е годы и затем — движение навстречу нынешнему моменту, необходимость заново прочитать некоторые страницы этой истории «и, возможно, обнаружить актуальное в том, что, казалось бы, давно ушло в тень». На том, что мы ныне огульно называем или воспринимаем как структурализм, лежат слои перепрочтений, переводов на другие языки и в иные категориальные системы, многое из его наследия «было перенесено в “чертоги” постмодерна». «Оказалось, что даже сравнительно недавнее прошлое требует настоящих археологических раскопок» (с. 51). Собственно, все эти «археологические» раскопки в области гуманитарного знания имеют свое название. Это и есть тот самый «обратный перевод», «возврат вещей на их места», идею которого автор, по собственному признанию, заимствовала у А. В. Михайлова [2000] как принципиально важный инструмент для изучения явлений культуры (с. 55).

То, что в фокусе внимания оказывается французский структурализм, объясняется не только личными пристрастиями той, кто начиная с 1970-х годов и в разных модальностях (статьи, монографии, переводы) не переставала знакомить русского читателя с его виднейшими представителями (см.: [Автономова 1977; 2009; 2011; Автономова и др. 2017; Фуко 1977; Шерток, Соссюр 1991; Лапланш, Понталис 1996; Деррида 2000]). Французский (классический) структурализм особо интересен Н. С. Автономовой еще и тем, что сам он возникает на стыке гуманитарной науки и философии (т. е. на том самом стыке, на котором она сама и работает), будучи пространством «прорастания философской проблематики сквозь специально-научную» (с. 40).

Первым «культурным героем» оказывается в книге Фуко (глава «Фуко: “диагностика настоящего”»), существующий для многих в основном как политический мыслитель, автор концепции знания-власти, во многом релятивизирующей познание. Но Фуко, говорит Н. С. Автономова, совершенно к этому не сводится. И потому она предпринимает его «обратный перевод», реактивируя его познавательный импульс и его убеждение в том, что «к человеку, к его сознанию и поступкам стоит подходить не по законам априорных интуиций, а посредством выработки эмпирико-трансцендентальных форм знания» (с. 54). И путь этот наглядно демонстрирует, насколько «деидеологизирующий подход становится не менее (хотя и в ином смысле) актуальным, нежели он был в начале 1970-х годов» (Там же). К тому же Фуко с его непонятным статусом в науке и философии (философ? историк науки? политический мыслитель?),

всю свою жизнь осуществлявший некий самоперевод, переводя свои концептуальные интуиции на разные языки, при этом «ретроспективным движением, как бы стирая прошлое», может быть осмыслен — а это и делает Н. С. Автономова — как архизнаковая фигура самого механизма перевода, и прямого и обратного.

Следующий казус — это Жак Деррида (глава «Деррида: “необходимое и невозможное”»). Тот, кто одновременно собственной своей судьбой выросшего во Франции алжирского еврея, но также и как философ открывает затейливую истину: «…судьба человека, единственный язык которого — не его язык, неуникальна. В некоем парадоксальном смысле это судьба всех людей» (с. 154–155). И потому «никто вообще не живет и не находится в одном единственном языке». Философ обязан это понять: ведь всякая философия — полиглот, и потому всякая философия — переводчик; она говорит на многих языках, она имеет способность к изучению чужих языков, все философские тексты пронизаны другими текстами (с. 154). И Деррида же заговорит о неустранимой и невозможной задаче перевода, о его необходимости как невозможности, «прекрасной и ужасной ответственности», «неоплатном долге» (с. 155), находя параллель этим своим мыслям у Вальтера Беньямина. Так и программное слово *деконструкция* возникает, как показано в книге, при осмыслении проблем перевода немецких понятий *Destruktion* и *Abbau* и при попытке найти для них хорошие французские эквиваленты. Оно «существует не само по себе, но лишь в цепочке замен и разветвлений, продолжающихся от языка к языку» (с. 158). Н. С. Автономова подробно анализирует и красивую метафору Беньямина в интерпретации Деррида, который, уподобив разные языки черепкам разбитой амфоры, видит лишь в «бытии перевода» возможность их искомого соединения и высвобождения некоего «чистого языка»: «Если в одиночестве языки останавливаются в росте, засыхают, то при скрещивании они дают друг другу то недостающее, что обеспечивает их взаимное возрастание и “вечное продолжение жизни” ‹…› задача переводчика — позволить языку перевода зазвучать, прийти в движение и преобразиться под воздействием языка иностранного» (с. 157). Остается здесь, правда, непроясненным — уж коли речь идет о превращении, претворении, наконец, переводе мысли, — ощущали ли при этом и Деррида, да и сам Беньямин здесь еще и гердеровский исток, ибо слишком уж созвучно мыслям Гердера звучит данный пассаж о разбитой амфоре (см.: [Пениссон 1999]).

Герой глав четвертой и пятой — создатель структурного психоанализа Жак Лакан, мыслитель предельно сложный для истолкования, поддающийся самым различным дешифровкам, но который Н. С. Автономову интересует в первую очередь как тот, кто поставил вопрос о языковом, символическом характере бессознательного и — «вслед за базовой интуицией Фрейда» (с. 223) осмыслил бессознательное как особого рода язык, опираясь на строгую чистоту критериев современной лингвистики — от Соссюра до Хомского.

Но далее начинается как раз самое интересное. Парадоксальность лакановской формулы объясняется тем, пишет Н. С. Автономова, что она подразумевает уже совсем не то бессознательное и не тот язык, «с которыми имели дело Фрейд и Соссюр и соответственно классический психоанализ и классическая лингвистика» (с. 230). Направления этого переосмысления и разбираются да-

лее в книге, причем, что характерно, Лакан мыслится здесь в конфликтной паре то с Фрейдом (это вполне естественно), то с Кантом, что предстает как еще один мыслительный парадокс, но тем крепче увязывает в единый узел историю познания.

Как уже было сказано выше, более непосредственно проблемам перевода, рецепции, понимания посвящен второй раздел книги. Исходная позиция здесь та же: необходимость осуществить обратный перевод и вернуть многое «на свои места». Только здесь уже на первый план выходят историко-культурные причины тех замутнений и наслоений, которым подверглись интересующие Н. С. Автономову авторы. Во-первых (или во-вторых), большую роль, как показывает автор, играет нелинейный характер усвоения французских философов. Восприятие Фуко, Деррида, Лакана, которые за последние десятилетия стали в переводном виде массово доступны и в России, во многом зависит от их американской рецепции. Последняя имела тенденцию обобщать и объединять воедино достаточно разнородные французские концепции: так, во Франции Деррида или Бодрийяр спорили с Фуко, при перемещении же в трансатлантические просторы «теория» консолидировалась, приобрела единые очертания (с. 377).

Разумеется, французская мысль на американской почве (как и на российской, хотя и в иных смыслах) есть нечто весьма отличное от своего культурного и концептуального оригинала. Впрочем, положительным моментом такой непреднамеренной узурпации является то, что в самой Франции начиная примерно с середины 1970-х годов интерес к описываемому кругу явлений заглох, так что переход на другое культурное (американское) поле «придал новые силы тому, что уже, казалось бы, лишилось жизненной энергии» (с. 378).

Другая причина наблюдаемых наслоений — ускоренное развитие культуры в России в условиях последних десятилетий, при котором «постмодернизм» подчас вступал на сцену раньше «модернизма», неофеноменология появлялась на интеллектуальной сцене раньше Гуссерля, «а пафос критики всей западной философии опережал ее самое элементарное усвоение» (с. 367).

И еще — наличие в русском концептуальном словаре многих лакун и дефицитов, которые за последнее двадцатилетие стали в работе перевода, интерпретации, критической дискуссии активно, но весьма противоречиво восполняться. В результате чего современная французская мысль, уже «разобранная на слова-пароли, слова-лозунги» (с. 368) (чего стоят одни только *деконструкция*, *диссеминация*, *ризома*, *симулякры*), нуждается в новом осмыслении.

К этому еще добавляется игра сходств и несходств, подобий и смещений, составляющих основу всякого взаимодействия культур, как, например, весьма условное уподобление французских 1960-х и российских 1990-х годов, постсоветского «протомодерна» современному западному «постмодерну» (так называемый феномен «псевдоморфоза», порождающий разнообразные культурные парадоксы). Один из ярких примеров подобного анахронизма — понимание (а точнее, непонимание) известного тезиса Р. Барта о том, что вообще любой язык с вписанными в него принуждениями является фашистским по определению. Тезис этот, как показывает Н. С. Автономова, который вырабатывался во Франции на переломе 1960–1970-х годов в ситуации контркультурной революции и протеста неакадемической мысли против слишком жестких традиций институциональной философии, в постсоветской России преобразо-

вался в обобщенный деструктивно-эстетический импульс, способствовавший, в частности, «недифференцированному отвращению к языку советской эпохи, всячески подталкивая к деконструктивной игре слов и смыслов», которые мы сегодня повсеместно наблюдаем (с. 369).

Упрощенность обобщения, преобладающая в массовой рецепции, и замутненность понимания при переводе могут быть следствием не только историко-культурных факторов, но и непосредственно особенностей стиля. Разительный тому пример — Деррида, как никто другой вызвавший в России волну подражаний, однако оставшийся (как, впрочем, и во Франции) непонятым. Во многом — из-за той непереводимой игры слов, которой он насыщал свои тексты, подчеркивая тем самым «языково-идиоматический характер бытия философии» (с. 372).

Еще один характерный симптом перевода — попытка русификации. Пытаются обратить в свою веру — как это уже неоднократно бывало в России с европейскими философами, начиная с Бёме, Шеллинга и Ницше, — еще одного «властителя дум», Жиля Делёза, который, построив новую «науку о хаосе», создав нелинейный мир постнеклассической науки, предстает в ряде случаев как исследователь, «дающий возможность по-новому определить место религии и путь к Богу» (с. 374).

В начале этой статьи я говорила о сложности чтения рецензируемой книги, почти противореча себе и тому, что однажды уже писала об этиологии гостеприимства (парафразированный термин Рикёра) как отличительной черте научного стиля Н. С. Автономовой [Дмитриева 2015]. Там, правда, речь шла о двух других ее монографиях, в определенном смысле более «монографичных» и прозрачных. На самом деле автор не изменяет этому принципу также и в книге «Познание и перевод» (просто объем материала и поставленная ею перед собой задача гораздо обширнее). Гостеприимство же это выражается прежде всего в том, что вообще отличает все труды Автономовой и, может быть, особенно ярко проявляется именно в этой книге. Я имею в виду только ей в такой степени свойственный феномен авторефлексии. Разбирается, анализируется, препарируется генезис не только той или иной ч у ж о й мысли, но также и с в о е й. Тому немало способствует, что Н. С. Автономова в данном случае выступает не только как исследователь (пусть и самый профессиональный), но и как соучастник процесса. В книге, уточняет она во введении, «пойдет речь о различных фрагментах моего опыта (как читателя, исследователя, переводчика), связанного с вопросом о познании гуманитарных феноменов через язык» (с. 39).

«Так как мне довелось участвовать в первичном, начальном процессе проникновения современной французской мысли в Россию, я расскажу в этой главе о моем опыте перевода и рецепции на фоне более общего процесса межкультурных и межъязыковых взаимодействий» — предваряет она эту тему ранее (с. 26). И действительно, первой публикацией о Фуко, появившейся в СССР в журнале «Вопросы философии» в 1972 г., была статья Н. С. Автономовой. «Для меня чтение Фуко (с начала 1970-х годов и по сей день) всегда было фактически переводом — для себя, а позднее и для других», — напишет она впоследствии (с. 91). Она же переведет его «Слова и вещи» в 1977 г., позже — «Грамматологию» Деррида, словарь Лапланша и Понталиса, «идеологически непереводимую» в те времена книгу — «Рождение психоаналитика...» Ф. де Соссюра и Л. Шертока и мн. др. Так что проблема перевода и теснейй-

шим образом связанная с ней проблема непереводимости для Н. С. Автономовой — не умозрительное приключение в эмпиреях, но то, что вырастает из насущной необходимости и собственного, иногда весьма горького опыта. Интереснейшие в этом плане главы книги (шестая и седьмая) — хотя примеры эти разбросаны по всему ее пространству — разбор казусов перевода, в особенности тех, что приводили порой к искажению мысли и смысла. Так, подробно разбирается приключение на российской почве слова (понятия) *дискурс* (*discours*), вброшенного как концепт Фуко и ставшего «средоточием многих сложностей». И это во многом потому, что у самого Фуко при переходе от первого этапа его научной биографии ко второму слово *дискурс* «фактически раздробилось на два разных понятия, что не было толком ни замечено, ни отмечено ни самим Фуко, ни его критиками» (с. 390). И потому Н. С. Автономова сожалеет, что в дальнейшем не удержалось предложенное ею различение в русском языке дискурсивного (как развертывающего представление в линейной последовательности слов) и «дискурсного» (как принадлежащего дискурсу, т. е. социально санкционированной или не санкционированной совокупности высказываний). «В результате первый, логико-лингвистический дискурс умер неестественной смертью, а второй, языково-социальный, превратился в слово-“зонтик”, который может значить все на свете» (с. 391).

Эхом казусам перевода слова *дискурс* с французского на русский звучит история перевода в конце 1970-х годов Мариной Ягелло книги Бахтина (Волошинова) «Марксизм и философия языка», в котором русскоязычные слова *речь*, *высказывание*, *слово* были переведены французским *discours*, в результате чего М. М. Бахтин предстал как актуальный мыслитель в строю последователей Бенвениста с его теорией высказывания и одновременно как предтеча французских теорий дискурса, на чем впоследствии сыграла Юлия Кристева в известной своей интерпретации Бахтина.

Не менее мучителен перевод загадочной пары, введенной в оборот Деррида: *différence* и *différance*, для которой существует как минимум три версии: *различие* / *различание* (Н. С. Автономова), *разность* / *разнесение* (вариант: *оттяжка* / *оттягивание*) (В. В. Бибихин), *отличие* / *отличение* (С. Н. Зенкин).

Выбор терминов, показывает Н. С. Автономова, при переводе во многом определяет (иногда в ложном направлении) дальнейшее истолкование соответствующих понятий. Еще один пример, который она подробно разбирает, связан с фрейдовскими терминами *Instinkt* и *Trieb*.

Вообще же однолинейного урока здесь нет и быть не может, история переводов предстает как история одновременно и концептуальных потерь, и обретений. Но, может быть, наиболее существенно, что в процессе перевода возможным оказывается наблюдать жизнь смыслов, которая в родном языке «незаметна и течет как бы сама собой». Как одновременно теоретик и практик Н. С. Автономова исходит из того, что «ни один перевод не переводит всего в оригинале». Всякий перевод чем-то жертвует ради чего-то, а кто думает иначе, тот заблуждается — либо сознательно, либо бессознательно (с. 411). И потому она выступает за множественность переводов: подобно тому как надобно заново перевести «Слова и вещи» Фуко «с чистого листа», надобно перевести заново и «Марксизм и философию языка», что на самом деле уже было сделано в Лозанне под руководством Патрика Серио. А еще «было бы здоро-

во иметь одно и то же произведение Деррида в двух разных переводах: один сделанный на пределе стилистической изощренности, другой — на пределе концептуальной аналитичности…» (с. 428).

То, как самый талантливый перевод искажает оригинал, демонстрируется ею в блистательной, на этот раз более филологической, чем философской главе, посвященной переводам сонетов Шекспира С. Я. Маршаком, которые она определяет как перевод не только с языка на язык, но еще и со стиля на стиль. Об идеологии Шекспира по переводам Маршака судить можно, но о стиле Шекспира — никогда. И потому читатель об этом должен быть предупрежден.

Возможно, наиболее традиционная, но от того не менее захватывающая часть книги Н. С. Автономовой — это те главы, в которых говорится о разных концепциях перевода, будь то Хайдеггера, Умберто Эко, Лотмана и мн. др. А также об истории «выковывания» слов, означающих перевод в европейской культуре, об изменяющихся в зависимости от эпох критериях точности. Но в любом случае переводчик сравнивается автором со Сталкером, который переводит нас через трясину, когда нет иного пути, выступая одновременно и как п р о в о д н и к, и как п е р е в о з ч и к — через культурные, языковые, концептуальные границы.

Завершает книгу раздел, посвященный непереводимости. Автору явно чужда позиция Гадамера, исходящего из того, что побуждение к переводу есть метафора человеческого непонимания как такового: если нужен перевод, значит, понимание заведомо невозможно. Она, напротив, рассматривает два возможных решения проблемы непереводимой переводимости, представленных, с одной стороны, в книге Эмили Эптер «Зона перевода» (2006), а с другой — в фундаментальном «Словаре непереводимостей», созданном и вышедшем в Париже в 2004 г. под редакцией философа Барбары Кассен. В первом случае выход ищется в переводческих перспективах «сравнительной литературы» на американский манер, во втором — в европейских ресурсах мысли и языка, обладающих не тождеством, но соизмеримостью.

Итог же размышлений Н. С. Автономовой скорее оптимистичен: «Перевод, — солидарно цитирует она слова Франсуа Растье, — есть единственное доказательство того, что человечество существует — не только на уровне генетического взаимооплодотворения, но и на уровне семиотической трансмиссии, гарантирующей, что мы имеем дело не только с тем же самым, но и с другим, что интерпретация есть не только преобразованная верность тому, что уже было сказано, но и новый вклад других культур, которые отныне уже нельзя считать враждебными» (с. 653). И все это означает, что вавилонская ситуация множественности языков сумела выработать в практиках перевода и его осмысления свой важнейший ресурс познания и творчества.

* * *

Первое издание книги «Познание и перевод...» вышло в 2008 г. В выпущенное в 2016 г. второе издание внешне серьезных изменений внесено, казалось бы, немного. Только существенно расширенной предстает библиография, изменена концепция обложки (теперь вместо картины всеобщей разрухи — напротив, эстетичный фрагмент мозаики Вавилонской башни из собора Сан-Марко в Венеции, рифмующийся с введением к книге и задающий ей другую тональность). Но, наверное, самое главное «новое» — это новое введение,

специально написанное ко второму изданию, абсолютно необходимая рефлексия о том, что за те восемь лет, что прошли после первого издания, изменилось в культурной ситуации в стране, в горизонте читательского ожидания и, наконец, в самом авторе. Разумеется, то «новое», что появилось за эти последние годы под грифом «Наталия Автономова», заставляет нас в новом ракурсе воспринимать и эту новую старую книгу. Так, в 2009 г. увидела свет ставшая уже (в хорошем смысле) интеллектуальным бестселлером монография «Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров» [Автономова 2009], в которой развернутым оказалось многое из того, что Н. С. Автономова уже писала о структурализме в книге «Познание и перевод». То, что было намечено в разделах, посвященных Ж. Деррида, получило продолжение в монографии «Философский язык Жака Деррида» [Автономова 2011]. Опубликованы письма М. Л. Гаспарова, среди которых — те, что обращены к Н. С. Автономовой, а в них — очень много афористически заостренных мыслей, посвященных проблеме перевода [Гаспаров 2008].

В последние десятилетия перевод действительно стал одной из приоритетных областей гуманитарного здания. Н. С. Автономова скрупулезно, ничего не упуская, перечисляет все, что в этой области за последнее десятилетие произошло и сделано. Возможно даже, что на этом общем фоне перестают звучать как открытие те мысли, что были открытием еще в 2008 г. Но тем острее звучит собственная ностальгия автора, хотя и транслируемая со ссылкой на Деррида, — о временах, когда интеллектуалы, «при всем накале публичных страстей, были далеки от всеобщей и всепоглощающей медийности ‹...› еще не стали рупорами транслируемых идеологий и ставили настоящие вопросы». И собственно профессиональная озабоченность, связанная с тем, что вместе с исчезновением с повестки дня девиза открытости к Западу, выдвинутого в начале 1990-х годов, «ушли в песок усилия людей, которые в течение последних двух десятилетий пользовались этой постсоветской открытостью, чтобы, например, переводить работы современных западных философов и гуманитариев, публиковать, толковать, обсуждать их» (с. 7–8).

«Эти люди не боялись “испытывать себя иностранным”, — пишет Н. С. Автономова, — без чего никакой диалог невозможен» (с. 8). Блестящий образец испытания иностранным являет собой и ее собственное исследование, которое не просто устанавливает диалог с читателем, но и вступает в диалог со временем.

## Литература

Автономова 1977 — *Автономова Н. С.* Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках (критический анализ концепций французского структурализма). М.: Наука, 1977.

Автономова 2009 — *Автономова Н. С.* Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров. М.: РОССПЭН, 2009. (2-е изд., испр. и доп. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2014).

Автономова 2011 — *Автономова Н. С.* Философский язык Жака Деррида. М.: РОССПЭН, 2011.

Автономова и др. 2017 — Роман Осипович Якобсон / Под ред. Н. С. Автономовой, Х. Барана, Т. Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2017.

Гаспаров 2008 — Ваш М. Г.: Из писем Михаила Леоновича Гаспарова / [Сост. Е. Шумилова]. М.: Нов. изд-во, 2008.

Деррида 2000 — *Деррида Ж.* О грамматологии / Пер. с фр., вступ. и коммент. Н. С. Автономовой. М.: Ад Маргинем, 2000.

Дмитриева 2015 — *Дмитриева Е. Е.* Этиология гостеприимства, или Некоторые размышления о научном стиле Наталии Автономовой // Топосы философии Наталии Автономовой: К юбилею / Сост. Б. И. Пружинин, Т. Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2015. С. 676–689.

Лапланш, Понталис 1996 — *Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу / Пер. с фр. и предисл. Н. С. Автономовой. М.: Высш. школа, 1996. (2-е изд., перераб. и доп.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив; М.: Ин-т общегуманитарных исслед., 2010).

Михайлов 2000 — *Михайлов А. В.* Надо учиться обратному переводу // Михайлов А. В. Обратный перевод. Русская и западно-европейская культура: проблемы взаимосвязей. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 14–18.

Пениссон 1999 — *Пениссон П.* Два понимания национального пантеона. Гердер и Гете / Пер. с фр. Е. Е. Дмитриевой // Литературный пантеон: национальный и зарубежный: Материалы русско-французского коллоквиума / [Редкол.: Е. Е. Дмитриева и др.]. М.: Наследие, 1999. С. 101–110.

Фуко 1977 — *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой; Вступ. ст. Н. С. Автономовой. М.: Прогресс, 1977 (2-е изд. СПб.: A-cad, 1994).

Шерток, Соссюр 1991 — *Шертoк Л., Соссюр Р. де*. Рождение психоаналитика: от Месмера до Фрейда / Пер. с фр. и вступ. ст. Н. С. Автономовой. М.: Прогресс, 1991.

## References

Avtonomova, N. S. (1977). *Filosofskie problemy strukturnogo analiza v gumanitarnykh naukakh (kriticheskii ocherk kontseptsii frantsuzskogo strukturalizma)* [Philosophical problems of structural analysis in the humanities (a critical outline of French structuralism)]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Avtonomova, N. S. (2009). *Otkrytaia struktura: Iakobson — Bakhtin — Lotman — Gasparov* [Open structure: Jakobson — Bakhtin — Lotman — Gasparov]. Moscow: ROSSPEN. (2nd ed., rev. and enl.: Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2014). (In Russian).

Avtonomova, N. S. (2011). *Filosofskii iazyk Zhaka Derrida* [The philosophical language of Jacques Derrida]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

Avtonomova, N. S., Baran, Kh. [= H.], Shchedrina, T. G. (Eds.) (2017). *Roman Osipovich Iakobson* [Roman Jakobson]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

Derrida, Zh. (2000). *O grammatologii* [Trans. from Derrida, J. (1967). *De la grammatologie*. Paris: Editions de Minuit]. N. S. Avtonomova (Trans., Intro., Commentaries). Moscow: Ad Marginem. (In Russian).

Dmitrieva, E. E. (2015). Etiologiia gostepriimstva, ili Nekotorye razmyshleniia o nauchnom stile Natalii Avtonomovoi [Etiology of hospitality, or Some reflections on the scientific style of Natalia Avtonomova]. In B. I. Pruzhinin, T. G. Shchedrina (Eds.). *Toposy filosofii Natalii Avtonomovoi: K iubileiu* [Philosophical topoi of Natalia Avtonomova: For the anniversary], 676–689. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

Fuko, M. (1977). *Slova i veshchi. Arkheologiia gumanitarnykh nauk* [Trans. from Foucault, M. (1966). *Les mots et les choses: une archéologie des sciences humaines.* Paris: Gallimard]. V. P. Vizgin (Trans.), N. S. Avtonomova (Trans., Intro.). Moscow: Progress (2nd ed.: St. Petersburg: A-cad). (In Russian).

Laplansh, Zh., Pontalis, Zh.-B. (1996). *Slovar' po psikhoanalizu* [Trans. from Laplanche, J., Pontalis, J.-B. (1992). *Vocabulaire de la psychanalyse*. Paris: PUF]. N. S. Avtonomova (Trans., Intro.). Moscow: Vysshaia shkola. (2nd ed., rev. and enl.: St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovanii, 2010). (In Russian).

Mikhailov, A. V. (2000). Nado uchit'sia obratnomu perevodu [We must learn reverse translation]. In A. V. Mikhailov. *Obratnyi perevod. Russkaia i zapadno-evropeiskaia kul'tura: problemy vzaimosviazei* [Reverse translation. Russian and Western European culture: problems of interconnections], 14–18. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury (In Russian).

Penisson, P. (1999). Dva ponimaniia natsional'nogo panteona. Gerder i Gete [Two understandings of the national pantheon. Herder and Goethe]. In E. E. Dmitrieva et al. (Eds.). *Literaturnyi panteon: natsional'nyi i zarubezhnyi: Materialy russko-frantsuzskogo kollokviuma* [Literary pantheon: national and foreign: Materials of a Russian-French colloquium], 101–110. Moscow: Nasledie. (In Russian).

Shertok, L., Sossiur, R. de. (1991). *Rozhdenie psikhoanalitika: ot Mesmera do Freida* [Trans. from Chertok, L., Saussure, R. de (1973). *Naissance du psychanalyse: de Mesmer à Freud*. Paris: Payot]. N. S. Avtonomova (Trans., Intro.). Moscow: Progress. (In Russian).

Shumilova, E. (Ed.). (2008). *Vash M. G.: Iz pisem Mikhaila Leonovicha Gasparova* [Yours, M. G.: Extracts from correspondence of Mikhail Leonovich Gasparov]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russian).

* * *

## Информация об авторе

**Екатерина Евгеньевна Дмитриева**
*доктор филологических наук*
*ведущий научный сотрудник, профессор,*
*Институт мировой литературы*
*им. А. М. Горького РАН*
*Россия, 121069, Москва,*
*ул. Поварская, д. 25а*
*Тел.: +7 (495) 690–50–30*
*Российский государственный*
*гуманитарный университет*
*Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6*
*Тел.: +7 (496) 250–62–51*
✉ *katiadmitrieva@mail.ru*

## Information about the author

**Ekaterina E. Dmitrieva**
*Dr. Sci. (Philology)*
*Leading Research Fellow, Professor,*
*A. M. Gorky Institute of World Literature*
*of the Russian Academy of Sciences,*
*Russia, 121069, Moscow,*
*Povarskaya Str., 25a*
*Tel.: +7 (495) 690–50–30*
*Russian State University for the Humanities,*
*Russia, 125047, Moscow, Miusskaya Sq., 6*
*Tel.: +7 (496) 250–62–51*
✉ *katiadmitrieva@mail.ru*